

Елена Фёдорова

Бабочка Маримба



Елена Фёдорова
Бабочка Маримба

«Издательские решения»

Фёдорова Е.

Бабочка Маримба / Е. Фёдорова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832657-8

«Бабочка Маримба» — философская сказка о разбитый мечтах, предательстве, отчаянии и всепобеждающей силе любви, выпустившей на волю сотню бабочек маримба... Юную Лауру выдают замуж за пожилого господина Диего Ромереса. Она старательно выполняет роль жены. Случайная встреча с красавцем Луисом Флоресом заставляет Лауру бежать из дома, выпускает на волю сотню бабочек Маримба и пробуждает вулкан Альмира... — Я умираю... Умерла уже... Лауры больше нет... Есть бабочка Ма-рим-ба...

ISBN 978-5-44-832657-8

© Фёдорова Е.
© Издательские решения

Содержание

Бабочка Маримба	6
Встреча	6
Диего Ромерес	9
Лаура	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Бабочка Маримба

Елена Фёдорова

© Елена Фёдорова, 2016

ISBN 978-5-4483-2657-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Ивановна Фёдорова – поэт, писатель, член Союза писателей России, член Интернационального Союза Писателей, Драматургов и Журналистов, Почетный работник Культуры города Лобня, автор 26 книг на русском языке (5 из них для детей) и 3-х на английском, автор более 200 песен для детей и взрослых.

Финалист премии «Писатель года 2014», включена в список 100 лучших писателей. Номинирована на Национальные литературные Премии «Поэт и Писатель года», «Наследие», Большую Московскую премию, на Международные премии Семёна Надсона, Мацую Басё, Сент Экзюпери, Владимира Набокова.

Второе место в конкурсе стихов о Великой Отечественной Войне. Специальный приз V фестиваля славянской письменности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» и Интернационального Союза писателей «За большой вклад в детскую литературу».

Проект песен для детей «Золотая страна» в соавторстве с композитором Вячеславом Гридуновым стал победителем конкурса Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» в номинации «Забота о детях».

Работала стюардессой международных линий Аэрофлота, тележурналистом ТРК «Лобня». Награждена Знаком отличия и медалью «За вклад в развитие города Лобня».

Авторский сайт: [битая ссылка] <http://efedorova.ru>

Бабочка Маримба

*О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя все время презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!*

Константин Бальмонт.

Встреча

Легкое, почти эфемерное создание опустилось на подол ее бледно-лилового платья. Расправило крылышки:

– Посмотрите, посмотрите на меня. Полюбуйтесь, какая я красавица!

– Красавица, – шепнул ветерок. Крылышки закрылись, но через миг распахнулись вновь. Девушке показалось, что на ее платье сидит другая бабочка. Ее крылышки больше не были прозрачными, они окрасились в цвет темно-вишневого бархата, по которому был рассыпан разноцветный жемчуг. Новое дуновение ветерка, новый взмах крыльев, новое превращение. На перламутровых крылышках бирюзовые, желтые и алые капельки.

– Чудо какое, – наблюдая за игрой бабочки с ветром, проговорила девушка. – Чудо.

– Ма-рим-ба, ты прекрасна! – пропел ветерок.

– Я знаю, – сказала бабочка, сложила крылышки. – Знаю. А вот ты ни за что не угадаешь, какой я буду через мгновение.

– Ни-за-что, – согласился ветер.

Бабочка взмахнула крыльями, взлетела, стала легким, полупрозрачным, эфемерным существом и растворилась в солнечном свете.

– Жаль, что она быстро улетела, – раздался за спиной девушки негромкий голос.

– Жаль, – согласилась она и только потом обернулась. Перед ней крепкий загорелый мужчина. Он улыбается, протягивает руку, представляется:

– Луис Флорес.

– Маримба, – называла она свое имя. Поднялась с травы и звонко рассмеялась. – У вас такой растерянный взгляд, Луис. Вы считаете, что человека не могут назвать Маримба – бабочка? – он пожал плечами.

– Если честно, я только что придумала это имя, когда наблюдала за бабочкой, – призналась она. – Я – Лаура Ромерес.

– Лаура Ромерес? – воскликнул Луис удивленно. Лаура рассмеялась еще звонче, чем в первый раз.

– Для вас было бы лучше, чтобы меня звали Маримбой? Лучше бы, правда? – посмотрела на него исподлобья. – Вы верите, что я – Лаура Ромерес? – он кивнул. – Вы не слишком разговорчивый собеседник, Луис Флорес.

Лаура развернулась, сделала несколько шагов, остановилась. Медленно повернула голову, проговорила таинственным тоном:

– Увидеть бабочку Маримбу непросто. Она слишком пугливое создание. Почему она меня не испугалась?

– Вы ей понравились, – ответил Луис.

– А вам? – Лаура развернулась. Большие серо-синие глаза смотрят на него изучающе. Коралловые губки плотно сжаты. На щеках едва уловимый румянец. Золотые локоны. Бронзовая кожа. Взмах черных ресниц. – А вам? Вам, Луис Флорес?

Он стоит напротив и молчит. Не потому, что не знает, что сказать. А потому, что хочет сказать слишком, слишком много. И это слишком превращается в сургуч, заливший его рот.

– Вы мне тоже понравились, – говорит Лаура. Медленно идет к нему. Останавливается на расстоянии вытянутой руки. Он чувствует аромат масел, которыми натерто ее тело. Видит, как подрагивает жилка на ее виске. Как меняется цвет ее глаз. Они приобретают бирюзовый оттенок, а щеки – цвет темной вишни.

– Ма-рим-ба, – выдыхает Луис.

– Лу-ис, – шепчет она. Они не могут отвести глаз друг от друга.

– Вы дочь Ромереса?

– Жена.

– Вот почему я вас не видел прежде. Вот почему...

– А кто же вы, Луис?

– Я – странник... Нет, скорей я – странствующий рыцарь – Дон Кихот...

– О, умоляю вас, не продолжайте, – Лаура закрыла уши ладошками. – Я не люблю его. А вас готова полюбить... как брата. Нет, – покачала головой. – Зачем мне вас любить? К чему все это, когда любовь земная – бред? – резко развернулась, пошла прочь.

– Мне жаль вас, милая Лаура, – крикнул он ей в спину. – Вижу, вы несчастны.

– Я счастлива безмерно! – крикнула она, не оборачиваясь.

– Вы нелюбимы.

– Вздор, вздор, вздор! – Лаура ускорила шаг.

– Лаура, я могу стать вашим другом...

Она замедлила шаг. Остановилась. Повернулась. Лицо бледное. Глаза потемнели, как небо перед грозой. Голос дрожит:

– Зачем? Украдкой, словно вор, вы в дом Ромерес станете являться? Луис, не стоит притворяться. Давайте распрощаемся теперь... – перевела дыхание. – Теперь, пока любовь меж нами не случилась. Пока я в вас случайно не влюбилась, пока не полюбили вы в меня...

– Но я уже люблю! – воскликнул он. – Люблю Маримбу – бабочку, Лауру, ребенка, женщину... Ужель стрела Амура в вас не попала до сих пор?

Лаура не ответила, потупила взор. Она еще не умела описать своих чувств, родившихся в груди в тот миг, когда она увидела Луиса. Состояние эфемерной легкости было для нее слишком, слишком новым. И это слишком залило сургучом ее рот.

– Молчите вы. А я наоборот весьма болтливым стал от счастья.

Вас видеть – радость. А без вас

День солнечный ненастьем станет.

И если вы позволите, Лаура, я буду издали за вами наблюдать.

И ждать, когда вы со-бла-го-во-ли-те меня заметить.

Когда решите на любовь мою ответить.

– Ни-ког-да, – проговорила она и убежала.

Луис опустил на землю в тени большой агавы. Закинул руки за голову, улыбнулся:

– Вот мы и встретились, Лаура.

Что с нами будет дальше? Что?

Я склонен думать, что – любовь! Хотя...

Случиться может ненависть меж нами.

Ведь вы – жена другого.

Вы... – он взял в руку горсть земли, крепко сжал в кулаке. Вздохнул:

– Да... все мы, к сожаленью, смертны. Все скоро превратимся в прах.

Пусть кто-то раньше, кто-то позже, – разжал кулак. – Ромерес стар. Лаура молода. Я... – отряхнул руку. Поднялся. – Никто не знает, что случится завтра. Никто...

Из солнечных лучей выпорхнуло полупрозрачное эфемерное создание, опустилось на бледно-лиловый цветок напротив Луиса. Раскрыло крылышки, застыло.

– Ма-рим-ба, – улыбнулся он. – Бабочка Маримба...

Лаура вбежала в дом, остановилась напротив огромного зеркала. Взгляд растерянный. Волосы растрепались. Губы дрожат. Щеки пылают. Лаура прижала к ним ладони, чтобы немного охладить. Но ладони тоже были горячими. Она посмотрела на них, подула, снова прижала к щекам. Легче не стало.

– Любовный пыл не охладить, – шепнула старая няня, обняв Лауру за плечи. – Я вижу, моя девочка влюбилась.

– Нет, нет, – замотала головой Лаура.

– Не упрямясь. Я же вижу, – нежно сказала няня.

– Видишь? – Лаура повернула к ней раскрасневшееся лицо. – Родная, что мне делать?

– Ждать, – улыбнулась няня.

– Ждать чего? – не поняла Лаура.

– Возвращения супруга, – назидательным тоном проговорила няня. – И впредь из дома без меня не отлучаться ни-ку-да.

– Не буду, – Лаура покорно склонила голову.

– Глупышка, – сказала няня. – Милая моя, я пошутила.

А ты и впрямь решила, что я тебя в оковы закую

Или запрю в одной из сотен комнат...

Да неужели я не понимаю, что вы с Ромересом не пара? Что... – она махнула рукой. —

Ах, если б не долги, которые заставили отца тебя насильно выдать замуж,

Всё было б по-другому. Всё, всё, всё.

– Ах, нянюшка, – Лаура уткнулась в ее пышную грудь. – Его зовут Луис.

– Луис, – повторила няня. – Откуда же он взялся?

– Не знаю, – отстранившись, ответила Лаура. – Я любовалась бабочкой Маримбой, не видела, откуда он пришел.

– Ну, а куда ушел?

– Не знаю. Я первая ушла. Нет... убежала, чтоб больше никогда его не видеть, чтобы... –

Лаура повернулась к зеркалу. – Чтоб повторять, как заклинанье: Флорес, Флорес, Флорес...

– Да, – покачала головой няня. – Надо что-то делать.

Пойдем, я причешу тебя и носик твой напудрю,

Чтоб не блестел, и глазки вытру...

Взяла Лауру за руку, увела за собой.

Диего Ромерес

Диего Ромерес возвращался домой в прекрасном настроении. Совет старейшин вновь избрал его секретарем. Теперь Диего сможет присоединить к своим владениям новые земли. Наконец-то гора Альмира будет принадлежать ему. Диего улыбнулся:

– Все складывается так, как я задумал. Скоро, очень скоро золото, спрятанное в недрах Альмиры, станет моим. И от этого знания душу переполняет радость...

Вдоль дороги, по которой ехал Диего Ромерес, возвышались стройные кипарисы. В час полуденного зноя они создавали прохладную полутьму. Но не только за это любил Диего кипарисы. Они напоминали ему стройную фигурку жены. При мыслях о ней сердце Диего сладостно запело:

– Лаура, девочка моя.

Она вошла в его дом чуть больше года назад. Маленький белый ягненок с огромными испуганными глазами. Склонила голову:

– Господин мой, я...

Он не дал ей договорить. Взял ее лицо в свои ладони, поцеловал в лоб, сказал нежно:

– Я – твой супруг, твой друг и твой наставник. Люби меня, дитя.

Люби всем сердцем, искренне и нежно.

Все золото вселенной будет нашим.

Простор небесный станет покрывалом для нас двоих.

Диего и Лаура я начертаю на вершине горной.

Верь мне. Люби меня, Лаура, и повинуйся мне беспрекословно.

– Буду, – проговорила она, глядя в его глаза. Он поцеловал ее в губы.

– Еще, Диего, – попросила она. – Как сладок поцелуй. Как сладок этот миг...

– Как сладок этот миг, – повторил Диего Ромерес. Подхватил Лауру на руки, отнес в спальню...

Прошел год, а запах масел, которыми было натерто ее тело, он ощущает до сих пор. Он возвращается домой, к своей дорогой Лауре. Но прежде, он должен навестить другую...

Диего приказал кучеру остановиться в таверне Розмари. Он всегда проводил здесь несколько часов, чтобы дать отдохнуть лошадям. Так думал кучер, но причина была иной. Диего Ромерес останавливался здесь из-за красавицы Розмари, жены хозяина таверны. Для Диего она готовила особые кушанья, доставала из погреба самое лучшее вино. Сама прислуживала желанному гостю. Он это ценил и одаривал Розмари щедрыми подарками. Покупал ее молчание. Зачем кому-то знать, что Розмари была его возлюбленной. Была? Диего усмехнулся, подумал:

– Лаура – милое дитя. Ди-тя... За год она немного изменилась, повзрослела. Но все равно, до Розмари ей далеко. Нет, Розмари вне всяческих сравнений. Вне...

Диего спрыгнул на землю. На пороге таверны появилась Розмари с сияющей улыбкой.

– Кого мы видим?! Господин Ромерес! – голос Розмари разлился сладчайшей музыкой. – Как вы кстати. Сегодня я зажарила индейку и пироги с грибами испекла, – крикнула слугам:

– Стол на террасе нам накройте, – улыбнулась Ромересу. – Там прохладней.

Гамак прикажите для вас повесить, дон Диего

– Прикажу, – шлепнув Розмари по пышному заду, сказал Диего. – И вино подайте.

– В кувшине с розами? – подмигнула ему Розмари.

– В кувшине, – ответил он и прошествовал на террасу.

Розмари помчалась вверх по лестнице. Она была вне себя от счастья. Она любила Диего Ромереса. Любила страстно, как может любить только креолка. Муж Энрике знал о ее тайной связи с Диего. Нещадно бил неверную. Но ничего не смог поделать. Смирился. Диего Ромерес

хорошо ему платил. Другие не платили. А Розмари была щедра на ласки. Она одаривала ими многих. Диего был в неведенье. Энрике знал. Посмеивался тайно.

– Пусть думает, что Розмари верна. Глупец.

Креолка верной быть не может.

Влюбленною безумно – да, а верной – никогда!

Розмари влетела в свою комнату. Сбросила платье, натерла шею и грудь маслами. Достала из сундука праздничный наряд с большим декольте. Надела. По-особому уложила пышные черные волосы. Перевела дух.

– Что бьешься сердце? Он уже приехал. Он мой.

Пусть на часок, другой. Пускай.

Сегодня я сделаю все то, что должно.

Да-да, сегодня...

Она достала из шкатулки пузырек с алой жидкостью, сунула его в разрез декольте, улыбнулась своему отражению в зеркале. Распахнула дверь и, гордо подняв голову, прошествовала вниз.

Диего Ромерес возлежал в гамаке. Розмари склонилась к нему.

– Прикажете вам кушать подавать?

Он привлек ее к себе, осыпал поцелуями обнаженную грудь, шею, плечи, прошептал:

– Да.

Розмари выпрямилась. Отошла на несколько шагов, замерла, давая Ромересу возможность налюбоваться своей красотой.

– Богиня, – прошептал он. Розмари звонко рассмеялась, побежала отдавать приказы.

– Служанка, – сказал Диего, усмехнулся. – Нет, сама богиня в услужение у меня. Так будет правильной.

Поднялся, прошелся по террасе, увитой диким виноградом. Заметил на одном из листьев бабочку. Легкое почти эфемерное создание его очаровало. Каждый раз, когда бабочка раскрывала крылышки, они приобретали новую окраску.

– О, в наш сад Маримба залетела! – воскликнула Розмари. Ее голос спугнул бабочку. Она вспорхнула и растворилась в солнечном свете. Диего обернулся.

– Маримба – редкая бабочка, – улыбнулась Розмари. – Увидеть ее к большой удаче.

– Моя большая удача – ты, Розмари, – заключая ее в свои объятия, сказал Диего. Поцеловал в губы, оттолкнул. – Твоя красота сводит меня с ума. А я должен владеть собой. Я женат. Я вновь получил пост секретаря. Я... – он посмотрел в сияющие глаза Розмари. – Скоро всё изменится, дорогая.

– Я вам верю, мой господин, – она низко опустила голову.

Диего сел за стол. Розмари налила ему вино. От приворотного зелья, которое дала ей старая ведунья, вино приобрело алый оттенок. Диего Ромерес этого не заметил. Он был слишком счастлив, слишком самоуверен. А Розмари была слишком хороша сегодня. Слишком щедра на ласки. Слишком...

Диего Ромерес пробыл в таверне до заката. Когда огненно-красное солнце коснулось горных вершин, он опомнился.

– Что я делаю? Лаура ждет меня, а я лежу на белых кружевных простынях в комнате Розмари, – подумал он, откинул одеяло, поднялся. Посмотрел на разругавшуюся Розмари, спросил:

– Чем опоила ты меня, плутовка?

– Своей любовью, милый, – ответила она. – Не уезжай, Диего.

– Нет, Розмари, – сказал он слишком резко. Она закрыла лицо руками. – Не вздумай плакать. Я женских слез не выношу.

– Не буду, – она поднялась, надела простое платье, заколола волосы.

– Налей еще вина из нашего кувшина, – поцеловав ее в губы, попросил Диего. Розмари рассмеялась, подала ему бокал, наполненный до краев.

– Пейте, ваша милость, и помните меня всегда, всегда...

– Тебя я никогда не забываю, – улыбнулся он. – Запомни это, дорогая. Мне пора.

Нам правила приличий нарушать не стоит.

Ты замужем. Люби супруга. А я... – он поцеловал Розмари. —

А я поеду к девочке своей.

К своей жене, которую любить я обещал, как дочь.

Как дочь, запомни это, Розмари. И не ревнуй меня.

– Так значит, с нею вы не спите, как со мной? – на лице Розмари отразилось недоумение.

– Как можно, с дочерью в постель ложиться? Это грех большой, – воскликнул Диего. –

Я не безумец. Верь мне, дорогая.

– Верю, – Розмари лукаво улыбнулась. Подумала:

– Меня считаешь душой, хорошо.

Тебе потом я все припомню, старый греховодник.

Она распахнула перед Диего дверь, поклонилась:

– Сегодня сделали меня счастливой самой, вы, мой господин.

– А ты меня, моя богиня, – прижав Розмари к груди, сказал он. – Пора. Я слишком, слишком задержался здесь сегодня.

– Так приезжайте чаще на часок, другой, – шепнула ему Розмари.

– Чертовка. Люблю тебя до забвения, – Диего страстно поцеловал Розмари, сбежал вниз, бросил трактирщику увесистый кошелек. Сел в экипаж, уехал.

Солнце закатилось за горы. Последние лучи света перетекли за ним следом. Стало темно. Запели цикады. Накаленный за день воздух начал быстро остывать. Диего Ромерес поежился. Какое-то недоброе предчувствие царапнуло его сердце. Он нахмурился. Потер виски. Подумал:

– Это от вина. Я слишком много выпил. Слишком...

Трактирщик посмотрел на жену недобрый взглядом, сжал кулаки:

– Ты сегодня слишком долго побыла с ним...

– Опять ты за свое, Энрике, – с укором сказала Розмари. – Пересчитай пистолы и улыбнись.

Я думаю, что скоро мы станем знатными с тобою господами.

Таверну продадим. Жить будем в замке у горы Альмира.

– Язык, как помело, – считая деньги, пробурчал трактирщик. – Болтаешь ерунду.

Пойди-ка лучше обслужи клиентов.

– И без меня есть в доме много слуг, – пропела Розмари. – А я устала. Спать хочу безумно. Спокойной ночи, дорогой Энрике, – пошла к себе. На последней ступени лестницы остановилась, крикнула:

– Я дверь запру на ключ, чтобы никто мой сон не потревожил. Ты понял?

– Нужна ты мне, – отмахнулся он, пряча за пазуху кошелек. – Я лучше рома выпью.

– Хорошая замена, муженек, – Розмари рассмеялась. Скрылась за дверью.

– Знаю без тебя, – сказал Энрике, наливая себе ром. – Твое здоровье, дон Диего!

Сегодня щедр ты че-рез-мер-но.

Будь всегда таким, чтоб мы скорей разбогатели.

Лаура

– Закат уже. Как он сегодня красен.
Как будто что-то злое предвещает нам.
Ах, няня милая, зачем мне эта мука?
Зачем дана любовь земная нам?

Лаура закрыла лицо руками. Ее плечи вздрагивали. Она беззвучно плакала.

А старая няня впервые не знала, как утешить свою голубку. В ее мыслях возникали картинки прошлого. Ее жизнь была запутанной, похожей на ребус, разгадать который было невозможно. И вот... Слезы Лауры, взволнованные речи о чести и бесчестии, о верности, предательстве и чувстве долга, о данном пред Богом обете, заставили старую Фриду понять, что она жила не так. А это значит, что она просто не имеет права поучать Лауру. Чему она ее научит? Лжи? Измене? Прелюбодеянию? За все это она, Фрида, наказана сполна. Она лишилась мужа, сына, дома, прислужгой стала у людей жестоких. Искала смерти, а попала в рай, когда Лауру родила графиня. Малышка только Фриду признавала, и голосила у других прислужниц на руках. Вот так и стала Фрида няней. Переселилась в графский дом... И что теперь?

Она обняла Лауру за плечи, сказала первое, что пришло на ум:

– Сегодня муж твой что-то припозднился.
– Не говори мне про него, прошу, – Лаура убрала руки от лица. —
Скажи, что спать ушла, его я не дождалась,
Что голова моя от солнца закружилась...
Что завтра мы увидимся, когда... – Лаура прижала ладонь к губам, простонала:

– Ах, няня, няня, как невыносимо...

Прости, что заставляю лгать тебя.

– Прощаю, милая голубка, – поцеловав Лауру в лоб, сказала няня. – Спокойной ночи.
– Спокойной ночи, дорогая, – Лаура обняла няню. – Спасибо за твою любовь.

Побежала к себе. Закрылась в комнате. Прижалась спиной к двери. Несколько раз глубоко вздохнула, прошептала: «Да, пора». Сбросила платье, распустила волосы, подошла к зеркалу, сказала с вызовом:

– Я не хочу похожей быть на вас, графини, баронессы, донны.

Я – девочка Лаура. Я – ребенок, примеривший наряд жены.

Он мне не подошел. Он не по нраву мне.

Я не хочу быть куклой тряпичной,

Служить, прислуживать, вести двойную жизнь,

Лгать, сплетничать, высмеивать других...

Нет, это не по мне!

Схватила ножницы, остригла свои золотые волосы. Улыбнулась.

– Ну вот, теперь я – мальчик.

Я читала, что так когда-то дамы поступали из-за любви.

А чем я хуже?

Я полюбила. Я люблю. Любима, может быть, уже, но... – вздохнула, —

Моя любовь – мне в сердце острый нож.

Я умираю. Умерла уже. Лауры больше нет, – бросила локоны на кровать, взлохматила свои короткие волосы, рассмеялась:

– Лауры больше нет.

Зато есть мальчик Лавр, Лаврентий.

Что скажите, Диего? Вам теперь я нравлюсь?

Подняла с кровати локоны, приставила к голове. Убрала их за спину. Приподняла подбородок, спросила у воображаемого Диего Ромереса:

– Вы станете искать свою Лауру? – кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.